

СВОБОДНЫЙ КРЕСТЬЯНИН ПЕРЕД МИРОВЫМ И ВОЛОСТНЫМ СУДОМ (МЕСТНАЯ ЮСТИЦИЯ В 1860–1880-х гг.)

Организация и деятельность местных судов в 1860–1880-х гг. пока еще не достаточно освещены в историографии. Судебная реформа 1864 г., ставшая серьезным шагом на пути формирования правового государства в России, базировалась на европейском опыте организации независимой судебной власти. Качественно новые черты судебного процесса (гласность, состязательность, быстрота рассмотрения дел, свободная оценка доказательств, презумпция невиновности, возможность кассационного обжалования) обеспечивались созданием новых судебных институтов: адвокатуры, прокуратуры (как стороны процесса), присяжных заседателей, кассационных департаментов Сената и местной юстиции – мировых судей. Однако в России, в отличие от Англии или Франции, мировые суды изначально соседствовали с волостными и другими, формально не признанными законом, крестьянскими судами. Необходимость сохранения общинного землевладения и круговой поруки в качестве инструментов фискальной политики и защиты крестьянства от «пролетаризации», а также для обеспечения правопорядка привели к появлению в уездах пореформенной России двух типов судов: сословных (волостных) и всеобщих (мировых). Местные пореформенные суды символизировали единство европейских тенденций в развитии судебной власти и национальных задач, связанных с решением аграрного вопроса и созданием доступной системы правосудия. Крестьянские и мировые суды, по мысли реформаторов, должны были служить развитию правовой культуры российского общества на основе народного правосознания. В дальнейшем предполагалось достичь постепенного сближения крестьян с другими сословиями и полного подчинения их общегражданским законам. В земских губерниях мировой суд, кроме того, являлся одним из тех институтов, которые определяли место земства в структуре государственного управления.

Деятельность местной юстиции и особенности крестьянского правопорядка постоянно находились в поле зрения дореволюционных исследователей и публицистов. Речь шла о включении крестьян в систему государственного правосудия, о жизнеспособности мирового суда, справедливости решений крестьянских судов¹. «Образованное» общество демонстрировало уважение к крестьянским судам и обычаям, но при этом либералы отстаивали принципы Судебных уставов 1864 г. и необходимость расширения поля деятельности мировой юстиции, а консерваторы в свою очередь критиковали независимость мирового суда от администрации и его финансовую и организационную связь с земским самоуправлением². В современной отечественной историографии волостные и мировые суды, пожалуй, за исключением работы Б.Н. Миронова, изучаются вне связи друг с другом. Волостные суды рассматриваются как атрибут сословности и крестьянской общины, а мировые – в качестве базового элемента новой судебной системы, созданной в 1864 г.³ В последнее время такой подход обусловлен еще и интересом к этнографическим аспектам крестьянской жизни, крестьянскому менталитету, гендерным отношениям и социальному статусу личности. В западной литературе судебные преобразования характеризуются в контексте модернизации самодержавной России, укрепления ее международного престижа, «диалога» между властью и обществом, развития правовой культуры, гражданственности и принципов правового государства⁴. Большой интерес к волостным судам проявляют американские историки,

---

* Горская Наталья Ивановна, доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета.

которые оценивают их либо как инструмент сохранения сословной «сегрегации» крестьян, либо в качестве «школы правового сознания», обеспечивавшей более широкий доступ к участию в общественной жизни⁵.

Сосредоточив внимание только на волостном или мировом суде, исследователи часто оставляют без внимания взаимосвязь и взаимообусловленность 3-х главных реформ Александра II: крестьянской, земской и судебной. В современной историографии, во многом благодаря работам Л.Г. Захаровой, признано стремление реформаторов 1860-х гг. добиться преодоления сословной замкнутости крестьян и формирования у них чувства гражданственности через участие в земстве и в суде присяжных⁶. Изучая организацию местной судебной власти в 1860–1880-х гг., нельзя пройти мимо вопросов: действительно ли мировые суды, являясь плодом западных взглядов либеральной бюрократии, не отвечали российским реалиям? Существовала ли связь между мировыми и волостными судами, и какое место занимал мировой суд в жизни русского крестьянина? Была ли перспектива сближения крестьянских и мировых судов?

Российская модель мировой юстиции не имела прямых аналогов в Западной Европе. Она впитала в себя отдельные черты английских и французских судов, но учитывала и условия и возможности России. Мировой суд являлся самостоятельной, независимой от общих судебных мест ветвью судебной власти. Он состоял из двух инстанций: участкового (или почетного) мирового судьи и съезда всех мировых судей судебного округа – уезда, который являлся апелляционной, а по самым мелким делам и кассационной инстанцией в отношении приговоров мировых судей. С английским мировым судом его объединяло разбирательство мелких уголовных дел в первой инстанции и коллегиальное – во второй; с французским – отделение судебной власти от административной, единый с общими судебными местами кассационный суд и ограничение права апелляции специальными судами (съездами мировых судей). В целом российская модель мирового суда была ближе французской традиции. Стержень новой судебной системы в России, как и во Франции, составлял принцип разделения властей, воспринятый российской либеральной бюрократией, готовившей реформы. В Англии, где господствовало англо-саксонское право, большое значение в сфере правового регулирования имел судебный прецедент, основанный на обычае. Здесь «укоренилась аксиома равенства частного и публичного права», центральные органы имели «слишком недостаточно власти, чтобы принудить местные учреждения повиноваться постановлениям законодательства»⁷. В странах континентальной Европы, включая Россию, господствующим источником права признавался закон, поэтому была велика роль публичного права и, как следствие, при организации мировой юстиции использовались принципы разделения властей и надзора вышестоящих судов. Обычаи, применявшиеся в волостных судах, и окончательный характер их решений не вписывались в эту систему. Их повседневная практика вступала в противоречие с общим направлением развития российской правовой и судебной системы, а антитеза «закон – обычай», дуализм российского права составляли основу неухаживших споров вокруг мировых и волостных судов и оказали серьезное влияние на их судьбу.

Существенным моментом, отличавшим мировой суд в России от его западноевропейского образца, являлся порядок его формирования и финансирования. В городах и уездах 34 земских губерний (за исключением столиц и Одессы) эти обязанности были возложены на уездные земские собрания, а за их пределами – на правительство. В Западной Европе государственной мировой суд назначался правительственной властью. Возглавлявший подготовку земской реформы Н.А. Милютин, а затем и П.А. Валуев были против передачи земским учреждениям «повинности» в отношении мирового суда. Первый исходил из общественного характера земства и считал, что оно «не должно касаться государственных дел, ни интересов казны, ни суда»⁸, второй также придерживался мнения, что «суд вообще коронное начало, а судьи учреждаются не от земства, а от короны»⁹. Однако разработчики Судебных уставов постоянно согласовывали принципиальные установки с возможностями государства. Желаемое проверялось действительностью еще на стадии их подготовки. «Отцы» судебной реформы

придавали большое значение судебно-статистическим сведениям, сбором которых в 32 губерниях занимались 3 специальные комиссии под руководством Д.А. Ровинского, М.Е. Ковалевского и Н.И. Стояновского. Реформаторы стремились учесть пространство окружных и мировых участков, численность населения, количество предполагаемых дел, пути сообщения, удобство расположения судов и т.п. При этом признавалась необходимость постоянной корректировки количественных показателей при сохранении и последовательной реализации принципов судебной реформы: всеословности и отделения суда от администрации. Стремясь заложить основу правового государства, реформаторы сознавали, что для этого требовались не только прогрессивные законы, но и условия для их восприятия и исполнения населением.

Избрание и финансирование мировых судей земскими собраниями вполне соответствовало данной позиции. Более того, другого пути для создания мировой юстиции, на которую возлагалась задача «разгрузки» окружных судов от повсеместно возникавших незначительных дел, с точки зрения финансовых и кадровых ресурсов, которыми на начало реформ располагала государственная власть, просто не существовало. Всеословный выборный мировой суд был создан на базе всеословного выборного земского самоуправления, а за судьями закреплены исключительно судебные полномочия. Единственная ярко выраженная публичная функция земства была обусловлена местным характером земства и мирового суда. В свою очередь сословные волостные суды, избираемые волостными сходами, расценивались реформаторами как временное явление, возможное в силу длительной обособленности крестьян от общегражданских законов. Но со временем, «когда видны будут потребности», предполагалось реформировать их на началах всеословности¹⁰.

Расчеты, сделанные в начале 1860-х гг., оказались достаточно обоснованными и позволили в условиях кадрового «голода» и финансового кризиса быстро провести судебную реформу в земских губерниях: в 1870 г. мировые суды уже действовали в 31 из 34 губерний. На мировые суды, по расчетам 1864 г., требовалось ежегодно 4.5 млн руб.¹¹ – в 3.5 раза больше, чем перед реформой тратилось на уездные суды¹². В 1889 г. земства отчисляли на мировую юстицию 4.7 млн руб. (в среднем по 10.4% от расходной части бюджета)¹³. Осознавая тяжесть судебных расходов, падавших на население, государство оставило без содержания почетных мировых судей. По этой же причине Государственный совет решил не оплачивать труд волостных судей, иначе добавился бы «новый прибавочный миллион к налогу»¹⁴. Поделив финансовую ответственность за состояние судебного дела в стране между государством (общие судебные места и мировые суды в неземских губерниях) и обществом (мировой суд в земских губерниях и волостные суды), реформаторы сохранили за мировым судом значение государственной судебной власти, в то время как волостной суд оставался сословным.

С учетом реальных возможностей государства решался и вопрос обеспечения личного состава судов. Не располагая достаточным количеством юристов (в 1863 г. в России юридическое образование имели 4 290 человек – столько же требовалось для обеспечения лишь мирового суда в 44 губерниях), государство призвало на должности мировых судей «местных жителей» из дворян. Близость мирового суда к населению обеспечивалась не только участковыми судьями (в 1887 г. в 34 губерниях – 1358 судей), но и 353 апелляциянными инстанциями (съездами), которые располагались в уездных городах и ежемесячно, хотя и не всегда, разбирали жалобы по гражданским и уголовным делам. Кроме того, в земскую и судебную реформы была заложена идея компенсации материальных и политических издержек, понесенных дворянством в результате отмены крепостного права. Видный агроном и публицист А.Н. Энгельгардт писал в 1870-х гг. из Дорогобужского уезда Смоленской губ., что после отмены крепостного права помещики «убежали на службу (благо, теперь мест много открылось и жалование дают непомерно большое), кто куда мог: кто в государственную, кто в земскую. Попробуйте-ка заработать на хозяйстве 1000 руб. в год за свой труд (не считая процентов на капитал и ренты на землю)»¹⁵.

Характер судебной деятельности требовал отбора на должности судей людей, независимых в материальном отношении и обладающих необходимыми знаниями и жизненным опытом. По сравнению с земскими гласными, для мировых судей как государственных служащих, по предложению главноуправляющего II Отделением собственной е.и.в. канцелярии Д.Н. Блудова и министра юстиции Д.Н. Замятнина вводился особый избирательный ценз. Кандидаты в мировые судьи обязаны были иметь среднее образование (гласный мог быть неграмотным человеком) или 3-х летний опыт службы в судебных должностях, а также имущественный ценз в 2 раза выше, чем для избрания земским гласным от землевладельческой курии и в 6 раз выше минимального ценза от городской курии. Поэтому если в земских собраниях численность дворян и крестьян была примерно равной, то в мировых судах служили «почти исключительно дворяне». Так, в 1883–1886 гг. в 24 земских губерниях дворяне составляли 43.8% гласных уездных земских собраний, крестьяне – 37.6%¹⁶. А среди участковых и почетных мировых судей этих же губерний на 1 января 1887 г. дворян было 86.2%, крестьян – 0.4%. Остальные 13.4% мест распределялись между купцами (3.9%), почетными гражданами (2.2%), студентами (4.8%) и «прочими» (2.5%)¹⁷.

Земельный ценз был рассчитан на среднепоместных (100–500 десятин) и крупнопоместных (выше 500 десятин) дворян. В 72.3% уездов земской России он составлял 400–500 десятин, в остальных же превышал эту норму, доходя до 950 десятин, а в малонаселенных уездах – до 1 300 (Новоузенский Саратовской губ.) и 1 600 десятин (Яренский и Устьсысольский Вологодской губ.). Разница в размерах земельного владения уравнивалась за счет денежного исчисления ценза – повсеместно он должен был равняться 500 руб. серебром. Уравнивание цензов по «ценности» земли, стоимость которой значительно колебалась в пределах губерний, позволяло производить их зачеты в случаях, если имения находились в разных уездах или даже губерниях (явление весьма распространенное). Или, если судья проживал в одной местности, а ценз имел в другой – «местным» жителем считался человек, имевший в уезде ценз или проживающий на его территории. Это правило было чрезвычайно важно для почетных судей, численность которых в 1872 г. превышала численность участковых в 2.7 раза, а в 1887 г. – в 2.5 раза. Почетные судьи, как правило, совмещали судебную деятельность с другими должностями на земской или государственной службе и принимали на себя обязанности судей в тех уездах, где лежали их родовые имения, руководствуясь чувством долга перед их жителями. Среди почетных судей в разные годы были крупные сановники, известные государственные и общественные деятели: Н.И. Стоянский (Воронежская губ.) кн. А.Д. Оболенский (Калужская), графы В.А. и А.В. Адлерберги-Буйские (Костромская), князья А.И. и В.И. Барятинские (Курская), гр. В.Н. Панин и В.П. Безобразов (Московская), П.И. Ливен (Нижегородская), кн. А.И. Васильчиков, Н.А. Бакунин, кн. А.А. Суворов-Рымникский (Новгородская), И.П. Новосильцев (Орловская), М.Е. Ковалевский (Петербургская), А.И. Кошелев (Рязанская), М.Х. Рейтерн, барон А.И. Дельвиг, Н.В. Калачев (Саратовская), Н.А. Хомяков и С.Ф. Шарапов (Смоленская), Б.Н. Чичерин (Тамбовская), С.И. Зарудный и А.Ф. Кони (Харьковская губ.) и др.

Однако численность дворян среди мировых судей постепенно сокращалась. За 15 лет, с 1872 г.¹⁸ по 1887 г., в 31 земской губернии (без Вологодской, Пермской и Уфимской, где в 1872 г. еще не было мировых судов) она упала на 2.4%: с 87.6 до 85.2%. Причем наибольшее уменьшение числа дворян произошло в среде участковых судей (с 94 до 87.9%, всего на 6.1%), а в среде почетных, которые за редким исключением не занимались разбирательством дел в первой инстанции – всего на 0.8% (с 85.3 до 84.5%). Тем не менее к концу 1880-х гг. дворяне сохранили или даже несколько упрочили свои позиции в столичных и западных губерниях (Новгородской, Псковской, Смоленской), а также в Рязанской, Калужской, Курской, Саратовской губ. Наибольшее сокращение дворянства произошло в южных губерниях – Таврической (на 12.8%), Екатеринославской (на 6.9%), Херсонской (на 6.3%) и в ряде губерний Центрально-Промышленного и Центрально-Черноземного районов – Тверской (на 8.3%), Владимирской (на 4.4%), Ярославской (на 4.4%), Нижегородской (на 2.9%), Пензенской (на 7.4%), Воронежской

(на 6.2%), Тульской (на 4%). В этих губерниях, за исключением Пензенской, Воронежской и Тульской, наблюдалось сокращение численности дворян и в уездных земских собраниях¹⁹. Однако в мировых судах дворян постепенно теснили не крестьяне и купцы, занятые хозяйственной деятельностью, а прежде всего студенты, вышедшие из различных сословий. Их численность за 15 лет увеличилась на 10%. Сохраняли свои позиции почетные граждане и «прочие» (колонисты, фельдшера, арендаторы, техники, учителя и др.).

Наличие недворянских элементов в составе мировых судов порождало острую критику. В конце 1880-х гг. известный юрист П.Н. Обнинский писал: «Мировые судьи избираются 1) ничтожным меньшинством избирательной коллегии, составленной из оскудевших дворян, каждый из которых, подталкиваемый чувством самосохранения, стремится попасть в судьи, о чем только и заботится; 2) купцами и фабрикантами, требования которых от правосудия достаточно известны; 3) подонками крестьянского сословия – кабатчиками, управителями, арендаторами, богатеями и кулаками, цели и вождения которых не менее известны»²⁰. И все же, в 1860–1880-х гг. кресла мировых судей в большинстве своем занимали представители дворянства. При этом мировой судья был не только дворянином, но и чиновником. Он утверждался в должности Первым департаментом Сената, состоял на службе Министерства юстиции, имел класный чин, получал оклад по должности (1.5–2.2 тыс. руб. в год), хотя и от уездного земства, и обладал несменяемостью – на практике срок пребывания в должности мировых судей как избираемых, так и назначаемых правительством, составлял в среднем 9 лет (3 избирательных срока)²¹.

На страницах общественно-политических и юридических журналов второй половины XIX в. в адрес мировых судей нередко звучали обвинения в непрофессионализме и «равнодушии» к своим обязанностям. По официальным сведениям в 1886–1887 гг. 48.2% участковых судей имели высшее образование, 41.5 – среднее и 10.3% – низшее или домашнее; среди почетных мировых судей было 45.9% с высшим образованием, 36.1 – со средним и 18% – с низшим или домашним²². При этом судьи редко выносили юридически неправильные приговоры. В 1886–1887 гг. съезды мировых судей пересмотрели соответственно лишь 2.1 и 2.7% решений участковых судей, а кассационные департаменты Сената в эти же годы отменили еще меньшее число определений мировых съездов – 1.3 и 1.1%²³. А.Ф. Кони писал по этому поводу, что через его руки «прошло великое множество дел с решениями и приговорами мировых съездов со всех концов России, и они свидетельствовали, что Grossen und Ganzen мировая юстиция находилась в России в добросовестных руках и исполняла свое назначение»²⁴. Успешная деятельность судей объяснялась достаточно высоким все же, по российским меркам, уровнем образования. Домашнее образование не всегда было хуже официального, а недостаток юридических знаний компенсировался в простых делах житейским опытом и благонамеренностью. «Лучшими мировыми судьями были математики, отставные гусары и моряки, и самыми неудачными – юристы», – утверждал знакомый с практикой мировых судей член Петербургского юридического общества Н.Б. Хвостов²⁵. Прокурор Смоленского окружного суда сообщал в Московскую судебную палату о мировых судьях Гжатского уезда из бывших военных И.И. Изюмском, М.В. Яновском, А.М. Трухачеве и М.И. Берестневе: «Все четверо прекрасные, благонамеренные судьи, хотя и не юристы»²⁶. Не отрицая случаев нарушения дисциплины, «нерадения» или даже должностных преступлений, совершенных мировыми судьями (в 1879–1886 гг. по «политической неблагонадежности» и «нравственным качествам» Сенат не утвердил в должности 39 мировых судей, избранных земскими собраниями и городскими думами²⁷), министр юстиции Н.А. Манасеин утверждал в 1887 г., что «неудовлетворительный состав мировых судей и неудовлетворительная деятельность последних не выходят пока за пределы единичных случаев»²⁸.

В волостной суд тоже не всегда избирали самых добропорядочных крестьян. По закону, судьи могли получать содержание от общества, освобождались от натуральных повинностей и телесных наказаний – такие наказания и повинности считались

несовместимыми с достоинством судьи. Но жалование практиковалось далеко не везде. Поэтому крестьяне, не желая «возложить тягость» по отбыванию судебной должности «на хорошего человека», выбирали в судьи «по очереди каждого члена общины» или же «лентяев и неплательщиков податей», говоря «берем в судьи, точно в солдаты», «послужи миру, недаром за тебя платим»²⁹. И волостной, и мировой суды, «оба выборные», оба связанные с самоуправлением, зависели от «партий» в земских собраниях и на волостных сходах. И все же зависимость мировых судей не носила столь очевидного характера. Группировки в земских собраниях при недостатке кандидатов (в 1872 г. не имели постоянных судей 6.5% участков, в 1887 г. – 6%) были заинтересованы в избрании необходимого числа судей и исполнении «обязанности», возложенной на уездное земство. «В редком из уездов губернии, – писал о ситуации в Курской губ. известный юрист В.В. Даневский, – не было в земстве партий, которые не сменяли бы одна другую... однако во всех уездах мы свободно укажем судей, занимавших эти должности по 4–5 трехлетий, даже 18–20 лет, избираемых всеми партиями»³⁰. Мировые «подчинялись» процедуре и закону, Министерству юстиции и кассационным департаментам Сената и по своему воспитанию и материальному положению были более независимы, чем крестьяне-судьи, прочно связанные личными интересами с жизнью мира и волости: «всякое дело проходило через старшину» – он назначал судебные заседания, выдавал копии решений, «пилил за недоимки» и там, где волостные старшины были «умные, честные и порядочные люди», там и суд был «хороший», а где «пьяницы и мошенники, там суд невозможный»³¹.

Дворянский мировой суд, «чужой», «строгий», «далекий» (от окраинных поселений уезда до камеры мирового судьи порою было 30–60 верст, а до центра волости – всего 12) вызывал у крестьян опасения и отчуждение. С некоторой долей сарказма, но удивительно точно, Энгельгардт описывал заседание мирового съезда Дорогобужского уезда: «Большая, светлая, великолепная зала, превосходная мебель для публики; место, где восседает суд, отделано великолепно, судьи все в блестящих мундирах, украшены орденами и разными знаками – все бывшие деятели, в ополченьи, при освобождении крестьян, в западном крае. Отлично. Разбиралось дело какого-то мужика, который украл лошадь. Мужичонко небольшой, в лаптях, в худом зипунишке, представлял такой контраст с великолепием суда, – и это хорошо: великолепие поселяет в массах уважение к предмету. Но то-то, я думаю, мужику страшно было»³². Хорошо осознавая пропасть между крестьянским миром и вчерашними помещиками, реформаторы заложили в законодательство и возможность ее постепенного преодоления. Дворянские и крестьянские суды дополняли друг друга, представляя собой разветвленную сеть судов на одной территории, благодаря которой обращение к правосудию и вероятность его возмездия становились нормой крестьянской жизни. Между ними существовали более глубокие, чем социальные и организационные различия, юрисдикционные отношения, позволяющие говорить о сложившемся в результате крестьянской, судебной и земской реформ сотрудничества местных судов, создании устойчивой связи между ними, которая тем не менее требовала доработки и завершения.

В целом, пореформенная судебная система представляла собой некое единство: она была ориентирована на защиту прав всех слоев населения с учетом сословной организации российского общества, уровня грамотности, имущественного положения поданных, значения закона и обычая в их жизни. Мировые суды занимали промежуточное положение между волостными и окружными судами: дела, превышавшие подсудность волостных судов, переходили к мировым и далее, превышающие подсудность мировых – к окружным. При изучении связи между волостными и мировыми судами необходимо учитывать характер их дел. В уголовных делах не допускался выбор суда подсудным, подведомственность проступка определялась тяжестью налагавшегося наказания. Волостной суд приговаривал по своему усмотрению к общественным работам до 6 дней, денежному взысканию до 3 руб., аресту до 7 дней или наказанию мужчин розгами до 20 ударов. Но если проступок требовал более серьезного наказания – денежного взыскания до 300 руб., ареста до 3 месяцев, заключения в тюрьме до

года (с 1882 г. – до полутора лет), им занимался мировой суд, а такими преступлениями как кражи со взломом, убийства и т.д. – окружной суд с участием присяжных заседателей, большинство которых было из крестьян. К тому же, если проступок совершался в городе или был направлен против лица некрестьянского сословия, крестьянина судил мировой судья³³.

В гражданском судопроизводстве подсудность дела зависела от цены иска, характера собственности и желания сторон. Мировой суд как суд всеобщий рассматривал гражданские дела до 500 руб., в том числе те, в которых одной из сторон являлось лицо крестьянского сословия. Иски между крестьянами до 100 руб., «включая дела о недвижимости в пределах крестьянского надела», находились в компетенции волостного суда, а превышающие 100 руб. переходили в мировые и окружные суды. По крестьянским искам, даже превышавшим 100 руб., допускался выбор суда всеобщего, крестьянского или третейского. Однако, если речь шла о недвижимости, то мировой судья не мог принять его к рассмотрению, и дело разбиралось только в коллегиальных судах – окружных или, по желанию сторон, в волостных³⁴. В вопросах о частной собственности на землю, весьма чувствительных и болезненных, имевших к тому же и политический оттенок, реформаторы придерживались правила, что они «никогда не должны быть решаемы одним лицом, хотя бы речь шла о клочке» земли³⁵. Поэтому единоличный мировой судья, ни при каких обстоятельствах, вне зависимости от сословной принадлежности участников процесса, не занимался установлением права собственности на землю, а коллегиальный волостной суд таким правом обладал. Так, согласно букве закона, крестьяне в гражданских делах, и что важно – по своему желанию, – могли судиться в волости или выходить из-под власти своего суда и обращаться во всеобщие суды. «Вообще, по смыслу положений 1864 г. и последующих узаконений, – писал исследователь крестьянских судов М.И. Зарудный, – в гражданских делах крестьянам, по взаимному согласию обеих сторон, представляется на выбор разбираться или в волостном суде (по обычаю), или третейским судом (по совести), или, наконец, в общих судах по закону»³⁶. Все эти законодательные «частности» открывали перед крестьянами законное право переступить границы сословной изолированности. Но как часто крестьянин, совершивший проступок, стоял перед мировым судом? И был ли он участником гражданских дел в мировых судах? Изучение вопроса показывает, что такие случаи были довольно распространенным явлением.

Во второй половине XIX в. не велась статистика относительно сословной принадлежности лиц, осужденных мировыми судами за маловажные проступки, а также гражданских дел с участием крестьян. Сословная принадлежность правонарушителей тщательно анализировалась лишь в случае привлечения их к уголовной ответственности в форме тюремного заключения. По этому виду наказания крестьяне, составлявшие более 85% населения, опережали все сословия и чаще других были «героями» разбирательства у мировых. В 1874–1878 гг. они составляли 60% (91 793 человека), приговоренных к тюремному заключению, а в 1884–1888 гг. – 72% (195 772 человека)³⁷. Из неполных записей Дорогобужского и Ельнинского мировых съездов Смоленской губ. за 1870–1889 гг. видно, что из 286 дел, пересмотренных этими съездами, крестьяне являлись участниками почти 40% из них (42 уголовных и 71 гражданское)³⁸. В компетенции мировых судей находились дела о лесных порубках, которые были распространены почти повсеместно, поскольку лесные дачи остались после реформы за помещиками, однако у крестьян сохранилась привычка «пользоваться строительным материалом и топливом от владельца». Порой крестьяне даже сжигали лес, говоря, что, «где лесники на свежий лес строги, там погорелый и даром отдадут»³⁹. Не удивительно, что крестьяне редко признавали себя виновными в делах о порубках. Например, в 1886 г. крестьянин дер. Колычево Богородицкой волости Ельнинского уезда Андрей Власов спилил сосну «в отруб» в даче князей Долгоруковых, и хотя был застигнут лесником и «бросился бежать, оставив пилу», на суде у мирового виновным себя не признал и подал апелляционную жалобу в съезд мировых судей⁴⁰. Мировые судьи привлекались для улаживания конфликтов между крестьянами и бывшими помещиками, рассматривая

недоимки крестьянских обществ, правда, в случае, если дело не составляло предмет спора. В 1878 г. Сенат по просьбе саратовского и псковского губернаторов и Грайворонского съезда мировых судей Курской губ. сделал специальное разъяснение по этому вопросу, побуждая мировых судей к участию в таких делах⁴¹. О посещениях крестьянами мировых судов говорят и многочисленные повестки, которые направлялись в волостные правления. Только в Коноплянское правление Ельнинского уезда в 1888 г. поступило 120 вызовов для участия в разбирательстве у мировых судей в качестве свидетелей или участников процесса, а в 1889 г. – 177⁴².

Еще одной точкой пересечения путей «мирового» и крестьянина было земство. В земских собраниях они работали бок о бок в качестве гласных, принимали решения о разделении уезда на мировые участки, о размещении камер мирового судьи, о финансировании съезда мировых судей, строительстве и содержании арестных домов для лиц, арестованных по приговорам мировых судей. Гласные из крестьян участвовали в выборах мирового судьи и назначении ему жалованья, а мировой с 1883 г. председательствовал на сельских избирательных съездах. Мировые судьи разбирали дела между крестьянами и земством, если они вступали друг с другом в гражданские правоотношения: заключали подряды на хозяйственные, строительные или дорожные работы (если дорожная повинность земства носила денежный характер). Мировой наказывал крестьянина за невыполнение законных распоряжений земских учреждений (в частности, мер, направленных на борьбу с пожарами, эпидемиями или истребителями посевов)⁴³, разбирал дела обязательного земского страхования, которому подлежали все сельские постройки в черте крестьянской усадьбы. Некоторые спорные страховые дела доходили до Сената. В 1877 г. съезд мировых судей одного из уездов Саратовской губ. отказал губернской управе в иске к крестьянину Коровину, по неосторожности которого произошел пожар, а Гражданский кассационный департамент Сената оставил в силе решение мирового съезда⁴⁴.

Обращает на себя внимание и тот факт, что при наличии волостных судов крестьяне шли в почетные мировые судьи. В 1872 г. 43 крестьянина в 16 губерниях занимали должности судей, в 1887 г. их было уже меньше – всего 33 человека и только в 11 губерниях, но зато они появляются среди участковых судей Олонецкой, Пермской и Самарской губ. Вполне вероятно, что крестьяне были и среди выпускников университетов и студентов, охотно занимавших кресла мировых судей. Во второй половине XIX в. юридические факультеты университетов по популярности среди крестьян занимали второе место после медицинских (1881 г. – 32 и 132 студента соответственно)⁴⁵. Во время подготовки закона 1912 г. о восстановлении выборного мирового суда, объясняя снижение земельного ценза и введение ценза оседлости для лиц с высшим юридическим образованием, разработчики реформы предполагали, что «при таких условиях и сыновья крестьян – юристы могли бы легко попасть в мировые судьи»⁴⁶.

Конечно, получая вызов, крестьянин не всегда являлся к «мировому», порой его дело представляли частные поверенные (некоторые земства, превышая полномочия, пытались организовать юридическую помощь населению), но все же нельзя отрицать, что крестьянин хорошо знал дорогу в мировой суд, а мировой судья был ему ближе, чем дворянин-гласный, уездный предводитель дворянства или неременный член крестьянского присутствия. Поэтому один из исследователей крестьянских судов писал в 1883 г.: «Мировой судья – самое близкое лицо для крестьян его участка, никто так часто не сталкивается с ними, никто так хорошо не знает населения своих волостей; с другой стороны никто, как мировой судья не стоит так далеко от всяких административных дрязг волости и уезда, и ни одно из уездных учреждений не сумело внушить к себе такого доверия, как мировой институт»⁴⁷.

Вместе с тем мировой суд не мог заменить волостного. До тех пор, пока существовала сословная волость и были прочны общинные связи, он был не только необходимым, но и весьма эффективным инструментом поддержания крестьянского правопорядка. Просматривая записи Кошинского волостного суда Смоленской губ. за 1864 г. и 1877 г.

и Усвяцкого волостного суда Велижского уезда Витебской губ. за 1869–1870 гг., нельзя не обратить внимание на основательность, с которой они делались. В книги волостных судов вносились не только фамилии и имена сторон и решение суда, как того требовал закон, но и дополнительные сведения: показания «добросовестных», результаты расследования («что оказалось по разбору»), отметки о выполнении, иногда – отношение участников процесса к судебному решению: «остались довольны». Решения волостных судов неукоснительно выполнялись старостами, скреплялись печатями и покорно принимались правонарушителями. Волостной суд собирался с одинаковой частотой, в зависимости от количества дел, ежемесячно или 3–4 раза в месяц, за исключением декабря и января, когда хозяйственная жизнь замедлялась.

Более половины всех случаев (100 из 181 дела), рассмотренных судами, относились к гражданским делам, причем, если в 1864 г. в Кошинском суде преобладали проступки, то в 1877 г. – имущественные споры. Крестьяне брали в долг хлеб и деньги, заключали сделки о купле-продаже скота, нанимались на строительство или хозяйственные работы. Договоры заключались устно, «под честное слово». Встречались и «сервитутные» дела: споры между крестьянами соседних деревень о ловле рыбы в реке или пользовании дорогой. Разбирая гражданские дела, суд руководствовался трудовой этикой, принципом справедливости и преобладанием общинного начала в крестьянской жизни. Если речь шла о долге, то, чтобы не разорить должника, суд обязывал погашать его в рассрочку; долг хлебом переносился к урожаю. Но как только крестьянин переступал границы общинных отношений, например, нанимал работников, а не обращался за «помощью» к миру, если это было принято, то суд проявлял строгость и требовал оплатить работу сразу и в полном объеме. Это же правило действовало и в случаях аренды земли и нарушения работниками условий найма. Крестьяне деревни Бобыри Кошинской волости арендовали землю, один из них «неисправно» уплачивал «арендные деньги, полагая в год по 6 рублей». Суд постановил: «Отдать другому исправному лицу арендное содержание»⁴⁸. Неисполнение обязательств по трудовому договору волостной суд рассматривал не на основе обычая, а на основании «правил о найме рабочих и служащих» и назначал штраф, «равный двойной поденной плате»⁴⁹. При этом было не важно, кто просил наказать нарушителя договора – крестьянин, дворянин или мещанин.

В делах о наследстве, связанных с разделом имущества, суд стоял на защите хозяйственных интересов членов общины и самой общины. По старинному русскому обычаю он делил его между наследниками равными долями, но при условии способности каждого из них вести хозяйство⁵⁰. Эти представления определяли решения судов и в Центрально-Черноземном районе, где суд «присуждая имущество или выделяя наследство, всегда почти имеет в виду хозяйственную нужду»⁵¹. Современники отмечали, что «по отношению к гражданским делам, решения судей-крестьян» были «хороши и правильны, а по некоторым вопросам незаменимы»⁵². В гражданских делах вообще экономический интерес стоит на первом месте, и крестьянский суд только по своему «здравому толку» чутко улавливал суть имущественных отношений, руководствуясь при этом и пользой общины.

Крестьянские проступки отличались большим разнообразием: неуплата повинностей (такие дела суд рассматривал по просьбе старосты), семейные ссоры, публичные оскорбления, побои, кражи, потравы полей, пьянство, необдуманные или случайные действия, причинившие хозяйственный урон. Однако не стоит утверждать, будто в крестьянской жизни было «много враждебности, причем не только в отношении помещика»⁵³. Скорее, перед нами не идеальный мир, а мир, полный противоречивых жизненных ситуаций и сложных человеческих отношений. При разнообразии проступков аналогичные дела были не так часты. Важно другое: ни оскорбления, ни семейные ссоры, ни случайные действия не оставались без внимания – они не только порицались, но и наказывались.

Изучение практики волостных судов изменяет некоторые стереотипы нашего восприятия крестьянской жизни (об отношении крестьян к телесным наказаниям, степени распространения пьянства среди сельского населения). Обычно крестьяне

предпочитали телесные наказания штрафу или общественным работам. Известно, что когда земские собрания возбуждали ходатайства об отмене телесных наказаний, то крестьяне-гласные были против этого. Но желание сохранить розги означало только одно: крестьяне готовы были терпеть порку, лишь бы не нанести урон хозяйству, и опасались, что суды заставят их платить деньги или тратить время на общественные работы. Бывало, что крестьяне обращались в мировой суд за защитой от побоев. В 1873 г. крестьянка Суткинской волости Дорогобужского уезда Анна Кононова просила мирового судью взыскать с губернского секретаря И.А. Шокальского «за побои гражданского бесчестия» и отсудила 30 руб.⁵⁴ Но розги царили на волостном суде. За неуплату повинностей, невыполнение распоряжения старосты, супружескую измену, несогласие закончить дело миром, воровство суд неизменно назначал розги. И это был существенный недостаток волостных судов и одновременно преимущество мирового, который не прибегал к телесным наказаниям.

Обвинения крестьян в пьянстве были общим местом в публицистике второй половины XIX в. Удивительно, но в волостном суде проступки, совершенные в состоянии опьянения, рассматривались сравнительно редко. Причем это были именно отдельные случаи, а не систематическое пьянство. Например, некто приехал в волость на базар, напился и стал звонить в церковный колокол; или староста обращается суд, видя, что крестьянин не вышел в страдную пору на работу, из-за чего «будут недоимки». В связи с этим Энгельгардт писал в одном из своих «Писем», «что между мужиками-поселянами отпетые пьяницы весьма редки». «Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, – отмечал он, – я был удивлен тою трезвостью, которую увидел в наших деревнях. Конечно, пьяот при случае... но не больше, чем пьем при случае мы... Я часто угощаю крестьян водкой, даю водки по много, но никогда ничего дурного не видел. Выпьют, повеселеют, песни запоют, иной, может и завалится, подерутся иногда... а на завтра опять, как роса обсохнет, на работу, как ни в чем не бывало»⁵⁵. Хозяйственные нужды и недостаток средств ограждали людей от чрезмерного употребления алкоголя и распространения этого социального порока. Но проблема существовала, и общественные деятели, включая земцев, инициировали движение за трезвость, набиравшее силу на рубеже XIX–XX вв.

Весьма щепетильно разбирались в волостных судах дела о семейных ссорах (в мировых судах они рассматривались при закрытых дверях). Суд стремился примирить мужа и жену, невестку и свекровь, а иногда еще и «увещевать» изменника, обращаясь за помощью к местному священнику. В случае обиды, нанесенной мужчиной, сыном или мужем, суд становился на сторону женщины и назначал мужичинам розги, хотя последние и протестовали «против нового направления судов, относящихся к женщине более гуманно»⁵⁶. Но почти всегда мужчина наказывался строже, правда еще и потому, что в отношении женщин телесные наказания не применялись. Так, в случае, когда «мать жалуется на сына за дерзость и на невестку, которая не разрешает ходить в амбар», присудили: сына высечь, невестке «быть хозяйкой, но не запирать ничего»⁵⁷. Рассматривая семейные дела, судьи придерживались ценностей, необходимых в крестьянской жизни: бережливости, рассудительности, трудолюбия. В Сычевском уезде, «если мужчина пьяница, дается большая жене и женщина является хозяйкой вместо мужчины по постановлению общества или волости», но в «южных уездах... хозяйке не удается получить большинство»⁵⁸.

И мировой («хранитель мира»), и волостной суды склоняли стороны к миру и могли выступать в качестве судей совести – третейских судей, рассматривая в данном случае дела с участием представителей всех без исключения сословий. В этом проявлялось внутреннее единство местных судов и их связь с населением. Мировой, хотя и не во всех случаях, обязан был начинать разбирательство по закону только после того, как не состоялось примирение. Например, мировой судья 1-го участка Краснинского уезда Н. Шеховский 3 марта 1887 г. рассмотрел 14 дел о драке сельских обывателей, 8 из них закончились «замирением», а 4 были переданы волостному суду⁵⁹. В том же уезде крестьяне деревни Стропино подали иск мировому судье против Голосовского сельского

общества за незаконный захват лугов, прилегающих к их деревне. Неудовлетворенные решением судьи и съезда, они «дошли» до Сената, который на том основании, что «ни судья, ни съезд не склоняли стороны к миру», передал дело в Смоленский съезд мировых судей. И оно было решено в пользу истцов⁶⁰. В 1884–1888 гг. 10% уголовных и 20% гражданских дел, рассмотренных мировыми судами, были закончены миром⁶¹. В свою очередь и волостной суд руководствовался положением, что «по народному мнению трудно насильем прекратить раздор, а лучше, когда дела улаживаются миром»⁶². В Рязанском уезде Рязанской губ. в 1871–1875 гг. волостной суд рассмотрел 163 дела, из них закончились миром 20 дел (12.3%)⁶³.

Со своей стороны, крестьяне стремились поднять статус своего суда. В некоторых случаях они «копировали» действия мировых судей. Объявляя решение, волостной суд, подобно мировому, уведомлял подсудимого, что он может обжаловать решение суда, «не пропуская со дня сего решения 30-дневного срока в уездном по крестьянским делам присутствии», или старательно мотивировал решение, показывая знание государственных законов. Так, в 1877 г. Иван Захаров жаловался Кощинскому суду на Фрола Михайлова за кражу сбури: ответчик по решению суда вернул вещь, но поскольку не произошло примирения, «волостной суд, руководствуясь местными обычаями и законом УУС» (Устав уголовного судопроизводства. – *Н.Г.*), оштрафовал Михайлова⁶⁴.

Действуя на одной территории, волостной и мировой суд создавали больше возможностей, чем если бы существовал один суд – волостной или мировой, для удовлетворения интересов крестьян, для участия их в судебной практике, а следовательно, и тот, и другой служили делу формирования правовой культуры, развитию гражданского общества и правового государства. В волостных судах крестьян привлекала экономия времени и сил, снисхождение судей и понимание их хозяйственных проблем; в мировых – возможность судиться на равных с другими сословиями, разбирательство дел на основе закона и возможность оспорить судебное решение. Имеющиеся источники свидетельствуют как о желании крестьян сохранить свой, крестьянский, суд, так и о их «стремлении» к мировым. При этом они зачастую «завышали цену иска», «кропали на оставление их без правого суда», заявляли, что «местных обычаев не знаем, судим по закону и справедливости», не могли понять, почему их собственность не защищается так же строго, как собственность других сословий⁶⁵.

Вместе с тем в центре внимания мирового суда стоял человек и его личные интересы, в центре волостного – общинный интерес. Крестьянские обычаи в уголовных делах вступали в противоречие с принципом равенства сторон перед судом и не соответствовали духу времени. Обычай порою был непонятен «образованному» судье, и поэтому решения волостного суда не подлежали обжалованию по существу, в апелляционном порядке. Крестьяне могли подавать только кассационные жалобы в уездный съезд мировых посредников, а с 1874 г. – в уездные по крестьянским делам присутствия, но эта форма обжалования, предусмотренная на случай нарушения процедуры, превышения власти или подсудности, была непонятна крестьянам. Мировые судьи, земцы, местная администрация в один голос заявляли, что «все жалобы крестьян апелляционные, а не кассационные», они «жалуются на несправедливость, а не на незаконность решений»⁶⁶. Проблема была и в том, что крестьянские обычаи, строго говоря, не были «правовыми», и представляли собой произвольное усмотрение суда. Для того, чтобы превратить обычаи в право, их необходимо было систематизировать и добиваться постоянного применения подобных решений к аналогичным случаям.

По мере усиления связей с городом и увеличения семейных разделов общинные связи ослабевали. Утрачивалась власть «большака», старики пеняли, что «слабые наказания, присуждаемые волостной юстицией, плохо ограждают их от буйства беспутных сыновей»⁶⁷. Обычное право было «слишком несовершенно, слишком неопределенно, чтобы удовлетворять требованию правовой жизни вообще», его архаичность вступала в противоречие с требованиями времени, когда крестьяне «стали входить в общение с другими сословиями», а крестьянская община, «слишком малочисленная, не могла быть благоприятной почвой» для его развития⁶⁸. И если недостатки мировых судов

(нерадение судей, отсутствие у них юридического образования, срывы съездов мировых судей и др.), по словам сенатора И.И. Шамшина, «не представляли собой никакого коренного и неисправимого зла»⁶⁹, то в волостных судах ощущалась потребность более глубоких перемен: изменения системы наказаний, способов, обеспечивающих независимость судебных решений, введения апелляционного обжалования.

Когда в 1880-х гг. в рамках подготовки реформы местного управления обсуждался вопрос о реорганизации местной юстиции, некоторые правоведа высказывались за ликвидацию волостных судов и передачу всех крестьянских дел мировым судам. Но все же общественное мнение было за сохранение волостных судов при условии их реорганизации. Многочисленные проекты по этому вопросу, поступавшие в Кахановскую комиссию в 1881–1885 гг., чрезвычайно разнообразны и эклектичны, в большинстве своем предусматривали передачу мировым судьям уголовных дел при сохранении гражданских в ведении волостных судов. Юрисдикцию мировых судов предлагалось расширить также за счет гражданских споров о недвижимости до 500 руб. Мировой суд (возможно, с участием «добросовестных» от крестьян) должен был стать второй инстанцией волостной юстиции. Таким образом, предполагалось решить две взаимосвязанные проблемы: во-первых, включить волостные суды в общую судебную систему, предоставить крестьянам право обжалования всех судебных решений по существу и освободить их от телесных наказаний; во-вторых, сохранить значение обычаев при разрешении гражданских споров. Эти предложения до 1883 г. находили понимание в стенах Кахановской комиссии. Их дальнейшая разработка и законодательное воплощение могли привести к значительному продвижению по пути создания единой системы местной юстиции, распространения на крестьян положений судебной реформы 1864 г., а в конечном счете – сближения сословий российского общества при сохранении представлявших ценность крестьянских обычаев. Однако в конце 1880-х гг. центральная власть взяла курс на усиление сословной опеки над крестьянством. Она требовала большого количества «дворян-попечителей» и строилась на убеждении в необходимости соединения в их руках административных и судебных полномочий. Контрреформа 1889 г., по которой мировые судьи были заменены в сельской местности участковыми земскими начальниками, на десятилетия отбросила назад становление всесословной местной юстиции. Закон 15 июня 1912 г., реализовавший программные установки либеральных сановников 1880-х гг., уже не имел практического значения: вскоре началась Первая мировая война, а затем и революция.

Примечания

¹ *Зарудный М.И.* Законы и жизнь: Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874; *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. СПб., 1879; *Языков А.* О реформе волостных судов // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. № 1. С. 101–120; *Анциферов К.Н.* К вопросу о реформе нашего мирового суда // Там же. 1885. № 1. С. 1–51; *Корф П.Л.* Ближайшие нужды местного управления. СПб., 1888; *Евреинев Г.А.* Заметки о местной реформе. СПб., 1888; *Обнинский П.Н.* Мировой институт // Юридический вестник. 1888. № 3. С. 400–415; № 5. С. 106–112; *Даневский В.* В защиту выборного мирового суда // Там же. 1889. № 9. С. 92–113; *Леонтьев А.А.* Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895.

² *Фукс В.Я.* Суд и полиция. М., 1889; *он же.* Мировой суд // Русский вестник. Т. 179. 1885. Сентябрь–октябрь. С. 258–278; *Арсеньев К.К.* Вопрос о слиянии властей на нижней ступени государственного управления // Вестник Европы. 1886. № 12. С. 827–859; *Гессен В.М.* Вопросы местного управления. СПб., 1904; *Гессен В.И.* Судебная реформа. СПб., 1905.

³ *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа в России. Воронеж, 1989; *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России. 1907–1914. М., 1992; *Тарабанова Т.А.* Волостной суд в первое пореформенное десятилетие: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; *Лонская С.В.* Мировая

юстиция в России. Калининград, 2000; *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х гг. XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 2003. С. 54–78.

⁴ *Kaiser F.B.* Die russische Jastiz reform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II bis 1917. Leiden, 1972; *Wortman R.S.* The development of a Russian legal consciousness. Chicago; L., 1976; *Lincoln W.B.* In the Vanquarol of Reform. Russian's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. Dekalb, 1982; *Тарановский Т.* Судебная реформа и политическая культура царской России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 301–317; *Уильямс С.* Либеральные реформы при нелиберальном режиме. М., 2009. С. 88–97.

⁵ *Czap P.* Peasant-class and peasant customary justice in Russia. 1861–1912 // Journal of social history. 1867. Vol. 1. № 2. P. 149; *Frierson C.* «I must always answer to the law...». Rules and Response at the Reformed Volost's Court // Slavonic and East European Review. 1997. № 2 (April). P. 308–334; *Burbank J.* Russian peasants go to court: Legal culture in the countryside. 1905–1917. Bloomington, 2004; Анализ американской историографии по данному вопросу содержится в кн.: *Большакова О.В.* Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. М., 2008.

⁶ *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; *она же.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1857–1861 гг. М., 1984; *она же.* Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–167.

⁷ *Ашлей П.* Местное и центральное управление. СПб., 1910. С. 296–297.

⁸ ОР РНБ, ф. 379, 1862, д. 498, л. 96.

⁹ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, 1862, д. 498, л. 96.

¹⁰ *Семенов Н.П.* Освобождение крестьян в царствование Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 2. СПб., 1890. С. 473.

¹¹ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 498, л. 87.

¹² Материалы по судебной реформе в России. Т. 18. Ч. 1. Б.м., б.г. Л. 14–17.

¹³ Свод сведений: 1) о земских сметных доходах и расходах и о 2) земских капиталах различных наименований за 1889 г. СПб., 1891. С. 68–71.

¹⁴ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 345, ч. 1, л. 40.

¹⁵ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. М., 1960. С. 51.

¹⁶ *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа. 1890 г. С. 170.

¹⁷ Список мировых судей на 1 января 1887 г. СПб., 1887. Здесь и далее подсчет автора.

¹⁸ Список чином ведомства министерства юстиции. Ч. II. Список мировых судей. СПб., 1872.

¹⁹ См.: *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. С. 170.

²⁰ *Обнинский П.Н.* Судебно-бытовой очерк // Юридический вестник. 1888. № 1. С. 405.

²¹ Выборный мировой суд: Сборник статей и материалов. СПб., 1898. С. 97–98.

²² Отчет министра юстиции за 1886–1887 гг. СПб., 1889. С. 29.

²³ Там же. С. 92.

²⁴ *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. М., 1966. С. 323.

²⁵ Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 5. С. 80.

²⁶ ЦИАМ, ф. 131, оп. 8, д. 1580, л. 15 об.

²⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 66, 1887, д. 7921, л. 2–3 об.

²⁸ Там же, л. 24.

²⁹ Выводы комиссии М.Н. Любошинского см.: *Земцов Л.И.* Указ. соч. Приложение. С. 403.

³⁰ *Даневский В.В.* Указ. соч. С. 99.

³¹ *Н-Л-нь.* Волостной суд. М., 1883. С. 17.

³² *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 68.

³³ ПСЗ-II. Т. 36. Отд. I. СПб., 1863. № 36657. С. 102.

³⁴ Там же. Ст. 96, 97.

³⁵ ОР РНБ, ф. 673, 1859, д. 293, л. 13 об.

³⁶ *Зарудный М.И.* Указ. соч. С. 70.

³⁷ Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.). СПб., 1899. С. 356–357.

- ³⁸ Государственный архив Смоленской области (далее – ГА СО), ф. 741, ф. 427.
- ³⁹ Свод замечаний о применении на практике Судебных уставов 1864 года. СПб., 1870. С. 32.
- ⁴⁰ ГА СО, ф. 427, д. 72, л. 10, 17.
- ⁴¹ *Никитин Д.Н.* Систематический свод указаний и распоряжений правительства по земским, судебным, городским, сельским учреждениям. Херсон, 1878. С. 282–284.
- ⁴² ГА СО, ф. 144, д. 5.
- ⁴³ ПСЗ-И. Т. 39. Отд. II. СПб., 1867. № 41478. Ст. 29.
- ⁴⁴ *Колычев А.А.* Кассационная практика Правительствующего Сената по земским и городским делам. СПб., 1912. С. 197–198.
- ⁴⁵ Статистика Российской империи. Университеты и средние учебные заведения. СПб., 1888. С. 6.
- ⁴⁶ Судебные уставы императора Александра II по законам 15 июня 1912 года и 26 июня 1913 года для мировых судебных установлений с законодательными мотивами и разъяснениями. СПб., 1914. С. 5.
- ⁴⁷ *Н-Л-нь.* Указ. соч. С. 25.
- ⁴⁸ ГА СО, ф. 925, д. 2, л. 23.
- ⁴⁹ Там же, ф. 1020, д. 2, л. 36–37 об.
- ⁵⁰ Там же, ф. 925, оп. 1, д. 2, л. 6.
- ⁵¹ *Земцов Л.И.* Указ. соч. С. 22.
- ⁵² *Языков А.* Указ. соч. С. 107.
- ⁵³ *Уильямс С.* Указ. соч. С. 90.
- ⁵⁴ ГА СО, ф. 741, д. 72, л. 16 об.
- ⁵⁵ *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 52–53.
- ⁵⁶ *Добровольский Н.С.* Смоленский этнографический сборник. Ч. II. СПб., 1893. С. 354.
- ⁵⁷ ГА СО, ф. 1020, д. 2, л. 16.
- ⁵⁸ *Добровольский Н.С.* Указ. соч. С. 355.
- ⁵⁹ ГА СО, ф. 1167, д. 16, л. 224.
- ⁶⁰ Там же, д. 6, л. 3, 134.
- ⁶¹ *Тарновский Е.Н.* Статистические сведения о деятельности судебных установлений, образованных по Уставам императора Александра II, за 1866–1912 г. Пг., 1915. С. 6, 9.
- ⁶² *Добровольский В.Н.* Указ. соч. С. 376.
- ⁶³ *Земцов Л.И.* Указ. соч. С. 26.
- ⁶⁴ ГА СО, ф. 925, оп. 1, д. 2. л. 4.
- ⁶⁵ Свод замечаний... С. 157.
- ⁶⁶ Материалы по преобразованию местного управления в губерниях, доставленные губернаторами, земствами и присутствиями по крестьянским делам. 1882–1883. Б.м., б.г. С. 122, 184.
- ⁶⁷ *Добровольский В.И.* Указ. соч. С. 376.
- ⁶⁸ *Леонтьев А.А.* Указ. соч. С. 59.
- ⁶⁹ Сенаторская ревизия И.И. Шамшина. Б.м., б.г. С. 13.